

Муртич Эдо

11.12.02

Проекция оптимизма

По следам выставки Эдо Муртича

Недавно в Новом Манеже проходила выставка, которая не могла не оставить след в жизни столицы. В ноябре – начале декабря здесь демонстрировались произведения хорватского художника Эдо Муртича – яркого представителя беспредметной живописи.

Искусство 81-летнего маэстро в первый раз было явлено России, между тем в мире оно уже давно заслужило репутацию классики XX века. Муртич снискал славу мастера, стоящего на одной ступени с крупнейшими новаторами современности. Его полотна представлены во многих музеях и галереях Европы и Америки, включая такие престижные коллекции, как лондонская Tate Gallery, Нью-Йоркский музей современного искусства, Музей Гугенхайма, Музей современного искусства в Париже. Темпераментная живопись Муртича заставляет вспомнить полотна Матисса, Ван Гог, Марке, а также американца Поллока – отца экспрессивной абстракции послевоенного времени, с которым мастер был знаком в юности во время своего длительного пребывания в США. Безупречный колористический слух и размашистая откровенность мазка Муртича сродни искусству Гончаровой, к которой наряду с другими художниками русского авангарда мастер всегда испытывал интерес. Вспоминалась и экзистенциальная абстракция Френсиса Бэкона, выставка которого произвела фурор в начале перестройки – в те времена, когда искусство еще способно было будоражить воображение соотечественников. Но былые времена прошли...

Вот и бывшая Югославия – этот уникальный в истории Европы конгломерат народов и культур – ушла под воду, подобно легендарной Атлантиде, так и не успев стать знакомой российской человеку. Туристическим китчем сейчас звучат слова о том, что древние земли Хорватии

и ее побережья – Далмации – хранят память о тысячелетиях цивилизации: наследие греков и римлян, итальянского Возрождения, рафинированной культуры Австро-Венгрии сплелись здесь в насыщенном пространстве памятников-знаков. Живопись Муртича – живой свидетель этих хитросплетений европейской судьбы и ее нынешних коллизий.

Послевоенная Югославия, отживавшаяся от Сталина и социалистического лагеря, кипела противоречиями, распята между политическим Востоком и Западом. Однако было одно несомненное достоинство: лишенные цензуры искусство и литература на равных вошли в контекст мирового художественного процесса. Эдо Муртич принадлежит к тому поколению, которое еще в довоенной Югославии прониклось духом социальной справедливости, а позже с оружием в руках боролось за нее. Он – из разряда личностей такого масштаба и дарования, которые смогли шагнуть за границы локальной традиции, сломать стереотипы “лагерных” предубеждений и уже в 50-х способствовать тому, что место Югославии в международной художественной семье стало фактом реальности.

Мощный слух лунечарного цвета, неистовая раскованность мазка. Свобода и воля собственного “я”, невероятная креативность – вот то, чем захватывает эта живопись. Драматический оптимизм, проекция разбушевавшейся стихии цвета и жеста, элегантность и страсть. Спонтанность, забранная в рамки высочайшей живописной культуры, точность размашистого жеста, доскональность тона, взрывчатая энергия композиции. Полотна прессуют время. Они вонзаются в окружающую среду у нас на глазах, разрывая привычные связи, подчиняя внешний мир своему бешеному напору – части холста в этом стремительном порыве так и остаются непокрытыми

“Осеиземий страх”. 1983 г.

краской. Прессуется и пространство, вовлеченное в стихию круговорота цветовых пятен, брызг, полос.

Муртич стал Муртичем практически сразу. Были годы учения в академии, годы войны, годы странствий. От выразительной графики и колористических пейзажей начальных этапов через эмоционально насыщенную “живопись действия” 70-х к своеобразной абстрактной фигурации последних десятилетий пройден большой путь. Однако мастер всегда оставался собой – преданный рыцарь открытого цвета и смелого жеста. Вместе с развитием личности росло внутреннее напряжение, нарастал драматизм. Черный контур и широкие темные полосы перекрывают мир ликующей цветности. “Глаза страха” – так называется одна из серий мастера. Картины покоряют своим огромным размером – исплинский масштаб разрушает обывательскую физику, отрывает от земли, внушает языческий ужас. Зри-

тель вступает в телесное соперничество мощных движений руки мастера, словно участвуя в вихре буйной пляски. Крылья, кресты, молнии, гигантские треугольники – все эти знаки насыщают полотна скрытым значением величественного действия, происходящего на наших глазах. А история? Ужасы войн на обломках послетитовской Югославии не могут не приходиться на ум. Но при всем экзистенциальном накале живописи, при всей значимости злобещих ассоциаций эти полотна бесконечно медитеранские по духу и честные по преданности их создателя глубинным основам живописности. Не только пейзажи, но и вся живопись проникнута пафосом жизнелюбия. И потому черные всполохи на его полотнах искрятся светом, а красный цвет звучит как вызов рутине, как гимн на пиру чувств в этой симфонии моря, неба, гор.

Наталья ЗЛЫДНЕВА

Курьезная. 2002. - 5-11 дек. - с. 9